

4 (17) июля

Священномученик

Димитрий Казанский

Священномученик Димитрий родился 10 февраля 1884 года в селе Полтеве Ярославского уезда Ярославской губернии в семье диакона Григория Ивановича Казанского. Окончив Ярославскую духовную семинарию, он был рукоположен сначала во диакона, а затем во священника и направлен служить в основанный еще в XVI веке Спасо-Преображенский Севастиановский монастырь, находившийся в Пошехонском уезде Ярославской губернии, в двадцати пяти верстах от города Пошехонье, в девяноста верстах от Романово-Борисоглебска и ста двадцати – от Ярославля. Это было глухое болотистое место, окруженное дремучими, почти непроходимыми лесами, где нередко можно было встретить медведя. Игуменией монастыря была в то время монахиня Леонида (Исакова).

В 1915 году отец Димитрий был назначен в Успенскую церковь на кладбище в городе Пошехонье, в 1928-м – в Воскресенскую церковь в село Белое Пошехонско-Володарского уезда Ярославской губернии. Священника здесь давно не было, и псаломщик с некоторыми из прихожан задумали перейти к обновленцам. Под председательством благочинного состоялось приходское собрание, на нем кто-то предложил пригласить священника из обновленцев. Благочинный выступил против, назвав обновленцев еретиками, которых принимать не следует. Прихожане направились к отцу Димитрию, уже несколько раз совершавшему у них богослужение, и в соответствии с их просьбой он был переведен в село Белое, а впоследствии назначен и благочинным. Переехав в село, он объявил прихожанам, чтобы они со всеми нуждами без всякого стеснения приходили к нему домой.

Отец Димитрий отличался строгостью жизни и благочестием, еще со времени служения в монастыре у него сложились добрые отношения с игуменией и монахинями, многие из них после закрытия обители перебрались жить в село Белое и стали в храме церковницами и певчими.

Служение отца Димитрия на этом приходе совпало с очередным этапом усиления гонений на Церковь, когда одновременно с расправой над крестьянами и организацией колхозов власти стали закрывать храмы, а священников арестовывать и ссылать. В октябре 1929 года власти занялись организацией в селе Белом колхоза, потребовав от крестьян еще до того, как колхоз будет создан, сдать государству все запасы хлеба. Когда пришли в дом священника, отец Димитрий, по словам свидетеля, заявил, что пусть его расстреляют, но хлеба он не даст ни фунта, потому что у него его попросту нет, а побираться по домам, чтобы сдать, он не будет. Когда власти приступили к отобранию частных построек, то священник и прихожане отправили ходока в Пошехонье к прокурору, протестовать против этого. Прокурор, по-видимому, их обнадежил, и в середине октября было созвано общее собрание крестьян, постановившее хлопотать об оставлении построек и земли за крестьянами. Был выбран делегат от крестьян для посылки к районным властям, и крестьяне собрали делегату по два рубля денег. Когда посланец зашел к священнику за деньгами на поездку в Рыбинск, отец Димитрий, дав денег, пожелал ему Божией помощи в предпринимаемом деле и добавил, что он против насильственных действий, с чьей бы стороны они ни были, он за то, чтобы законно хлопотать о своих правах. Когда посланец

вернулся и рассказал о результатах поездки, которые показались всем обнадеживающими, отец Димитрий заметил, что, видно, есть еще у советской власти законы.

В начале ноября 1929 года местная ячейка Союза воинствующих безбожников развернула в селе Белом кампанию по закрытию храма. Отец Димитрий отправился вместе с церковной старостой по домам прихожан и собрал подписи семисот человек, протестующих против закрытия.

7 и 8 ноября, в дни коммунистических праздников, власти стали допрашивать свидетелей, намереваясь собрать материалы для обвинения священника.

Первым был допрошен молодой коммунист, один из двадцатипяти тысячников-горожан, приехавший в село Белое создавать колхоз; он засвидетельствовал, что священник имеет большой авторитет у местных жителей, не пьет, трудолюбив и тому подобное. Он показал, что слышал от крестьян, что священник ведет среди населения агитацию, говоря в проповедях, что советская власть хочет отобрать у православных церкви. «Граждане, это слыша, стали идти против колхоза, боясь, что отберут церковь под колхоз, этим самым, вероятно, действовали на комсомольцев, которых родители не отпускали в колхоз», – заключил он.

Другой свидетель, бывший когда-то председателем приходского совета, по малодушию отказавшийся от этой опасной в то время должности, показал, что старостой церкви у отца Димитрия является монахиня, к нему приходит очень много монахинь, настоящее паломничество; священник имеет большой авторитет, и поскольку он сам проводит регистрацию верующих, то кто и хотел бы отказаться от храма, не может этого сделать.

Обновленчество, активно поддерживаемое властями, продолжало составлять угрозу для Православной Церкви, и отец Димитрий написал небольшую работу с разбором обновленческих заблуждений, предназначая ее в основном для священников благочиния. Один из сторонников перехода в обновленчество впоследствии показал, что отец Димитрий был «против проводимых мероприятий советской власти, стал группировать вокруг себя кулацкую часть <...>. Казанский организовал церковный совет из женщин, и женщины всегда у него бывали на дому, советовались с ним и за него стояли горой и, настроенные им против советской власти, всегда тормозили проведение [ее] мероприятий <...>. Из окружающих деревень кулацкая часть к <...> Казанскому ходила на дом, где и совещались, и его во время праздников всегда приглашали одного. Казанский приход забрал в свои руки и руководил им сам, а его приспешники, кулаки, помогали в этом и всегда выступали против советской власти».

9 ноября 1929 года отец Димитрий был арестован и после допроса заключен в тюрьму в городе Рыбинске. Отвечая на вопросы следователя, священник сказал: «Против организации колхоза в селе Белом я никогда и никому не говорил <...>. У нас в селе Белом в октябре действительно было собрание крестьян <...>, где было постановлено делегировать <...> в область или во ВЦИК, хорошо не помню, чтобы выяснить вопрос о законности выселения нас из села в связи с организацией колхоза. Я действительно подписался под наказом ходоку <...> и дал ему на расходы пять рублей. Из духовенства ко мне иногда приезжают священники <...>, но особых каких-либо совещаний у меня не бывает. В <...> ноябре <...> я вместе с церковной старостой <...> ходил по деревням, регистрировал верующих в каждой

деревне – извещал крестьян сельский исполнитель, все приходили в известный дом и записывались у меня, никакой агитации в это время я не вел».

Был допрошен в качестве свидетеля техник-животновод. Его отец был священником, от которого он отказался и в соответствии со своим новым положением теперь давал показания против духовенства. «Собрания по деревням недавно были проведены силами Союза воинствующих безбожников, которые добивались отказа верующих от церкви и передачи ее под клуб, – показал он. – В некоторых деревнях работники встречали <...> отпор со стороны населения <...>. Казанский ведет <...> религиозную пропаганду, тем самым мешая продвижению культурных начинаний со стороны работников участка, одурманивая головы крестьян своего прихода и ясно, что настраивая антисоветски. Диакон Архангельский, у которого я стоял на квартире, часто бросает фразы вроде <...> „грабители, а не власть“ и т.д., не стесняясь присутствием кого бы то ни было».

13 ноября был допрошен как свидетель служивший с отцом Димитрием диакон Архангельский, который показал: «Казанский очень много имел почитательниц, ревнительниц, особенно из монашествующего элемента, паломничают к нему многие, и даже из дальних местностей, его особенно почитают, как святого, и сравнивают с Иоанном Кронштадтским. Являясь ярким староцерковником, не могущим примириться с советской властью, он под видом борьбы в церкви старался вооружить население против советской власти. Казанский очень часто произносил проповеди, где открыто заявлял, что началось гонение на веру, на духовенство. <...> Казанский, бесспорно, глубоко ненавистный человек против советской власти <...>, является благочинным и держит под своим влиянием все духовенство округа...»

Охарактеризовав священников благочиния как одну тесно связанную между собой преступную группу, диакон заявил: «Я искренно раскаиваюсь, что с ними был вместе и иногда поддакивал в силу совместной службы, так как от них был зависим, как низший член клира, по материальным обстоятельствам. Я готов порвать все со служением, убедившись, что Церковь служит прикрытием контрреволюционных элементов. Показания мои верны, правильны, в чем и расписываюсь».

После такого рода показаний диакон был оставлен на свободе, а отец Димитрий был допрошен еще раз и, отвечая на вопросы следователя, сказал, что он хорошо знал местных священников и у него с ними были разговоры только на церковные темы, например об обновленчестве, воззваниях епископов; он давал им читать воззвания Патриарха Тихона, епископов, митрополита Сергия, им было разослано 15 воззваний о «Разборе обновленчества», «Выборе благочинного», где он писал о переживаемом в настоящее время трудном моменте и лишениях духовенства, но всему этому он не придавал никакого политического значения, действуя в соответствии со своими убеждениями. Виновным себя в антисоветской агитации он не признает.

В составленном 29 ноября 1929 года обвинительном заключении следователь об отце Димитрии написал: «С приездом в село Белое Пошехоново-Володарского района священника Казанского, вскоре ставшего благочинным, религиозная деятельность приняла явно антисоветский характер. Священник Казанский стал фигурой, вокруг которой объединялось все антисоветское, социально чуждое пролетарским слоям деревни. Объединяя вокруг себя женщин-фанатичек, монашествующий элемент, поощряя к себе паломничество,

Казанский создал себе авторитет святого, второго Иоанна Кронштадтского <...>.

Казанский, как благочинный, рассылает по своим пятнадцати приходам воззвания, где, сообщая о своем назначении, наряду с этим [описывает] каноническую разницу церковных разделений, повествуя „о тяжелых переживаемых моментах и лишениях духовенства“, давая этим самым понять о своих антисоветских настроениях и призывая к объединению <...> вокруг себя как столпа и ревнителя, преданного старой Церкви <...>.

При обыске у <...> Казанского обнаружены воззвания Патриарха Тихона, письмо Серафима^а Угличского митрополиту Сергию, письмо ярославских епископов, тетрадки с каноническим разбором обновленчества, копии воззваний его как благочинного, кои он, по показаниям обвиняемых и своим личным признаниям, распространял, руководствуясь своими убеждениями, якобы не придавая им никакого политического значения...»

Сотрудники ОГПУ, ведшие дело, предложили приговорить отца Димитрия к трем годам заключения. Однако руководство ОГПУ сочло, что этого срока для священника недостаточно, и 3 января 1930 года Коллегия ОГПУ приговорила его к пяти годам заключения в концлагерь. В конце января он был отправлен этапом в УСЕВЛОН^б ОГПУ в город Котлас, где исповеднику пришлось перенести немало лишений.

По возвращении в 1934 году из заключения отец Димитрий сначала поселился в Пошехонье, где жила в то время его семья, а затем отправился в Ярославль к митрополиту Ярославскому Павлу (Борисовскому) просить места для служения на каком-либо приходе. Митрополит Павел благословил его служить в одном из храмов Ярославля, а жить в его доме. В Ярославле отец Димитрий прослужил полтора месяца, а затем, узнав, что есть свободное место священника в одном из храмов в селе Любим^с, просил митрополита направить его туда, с чем тот согласился, благословив его ехать в Любим.

В ноябре 1936 года в Ярославской области была арестована группа священников, монахинь и мирян. Некоторые из них упомянули на следствии о своем знакомстве с отцом Димитрием, и 5 марта 1937 года тот был арестован и заключен в тюрьму в городе Пошехонье-Володарске. 7 марта, 19 марта и 7 апреля отец Димитрий был допрошен, но виновным себя не признал, а на требование назвать имена конкретных лиц ответил, что не помнит, с кем встречался и о чем был разговор.

– С какой целью вы имели книгу контрреволюционного провокационного содержания об антихристе, изъятую у вас при обыске? – спросил следователь.

– Книга об антихристе лежала у меня без всякой цели вместе с другими церковными книгами, – ответил священник.

– Вы лжете. Нам известно, что контрреволюционное, провокационное содержание этой книги вы распространяли среди населения...

– Нет, об изложенном в книге я никому никогда ничего не говорил и даже сам ее не читал, так как оказалась она у меня случайно. Нашел я ее вместе с другими книгами в сторожке в конце 1935 года.

– Какие установки о контрреволюционной работе вы получили от Борисовского?

^а Священномученик Серафим (в миру Семен Николаевич Самойлович), архиепископ Угличский; память 22 октября / 4 ноября.

^б Управление Северных лагерей особого назначения.

^с С 1928 по 1938 г. город Любим имел статус села.

– Никаких установок о контрреволюционной работе я от Борисовского не получал.

– А почему вас Борисовский послал служить в село Любим?

– В Любим я поехал потому, что... не было места в других приходах.

После окончания допросов, 10 апреля 1937 года, медицинская комиссия засвидетельствовала, что священник находится в крайне истощенном физическом состоянии. 12 апреля следствие было закончено. Отец Димитрий был обвинен в том, что «являлся одним из организаторов контрреволюционной группы и активно участвовал на контрреволюционных сборищах последней в обсуждении контрреволюционных вопросов. Организовывал монашествующий и церковный элемент на контрреволюционную работу. Хранил контрреволюционную монархическую литературу с контрреволюционным провокационным содержанием <...>. Виновным себя не признал. Изобличается показаниями обвиняемых и свидетелей и очными ставками с ними».

Под «контрреволюционной литературой» власти подразумевали письмо, полученное отцом Димитрием из Тутаева от его друга- священника в 1934 году, после возвращения из заключения. «Милый и дорогой отец Димитрий Григорьевич! – писал тот. – Получил Вашу дорогую весточку, спасибо Вам за добрые отношения и память. Да, у Вас вышла неладиха! Что делать, мир! Просит свое и требует как бы законное... дело уладится, смотреть и думать надо по-Божьи, дело пастырей было и будет всегда под особым попечительством Промысла и Его святой воли и управления. Люди свое, а Бог Свое, что Ему угодно <...>. Вы и сами прекрасно руководитесь указанием и добрым желанием, которое приятно Господу. Зреть Его лицом и беседовать во святине и правде! Господь даст, устроитесь и будете славить Его, к тому же и сыты все будут. Старайтесь быть пока покойным и оберегайте себя. <...> Запаситесь пока добрым настроением, в чем вам помощником будет святой Ангел Хранитель! <...> Оставьте все свои планы и предположения на волю и милость Божию!»

15 августа 1937 года Особое совещание при НКВД СССР приговорило отца Димитрия к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Священник Димитрий Казанский скончался в заключении 17 июля 1942 года и был погребен в неизвестной могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.1»

Тверь. 2016. С. 49–58